
Декриминализация статей Уголовного кодекса и формирование «нормы возмездия» у школьников

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ГОУ ВО МГППУ, руководитель лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (safuanovf@rambler.ru)

Бодрова О.К., младший научный сотрудник лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (olgabodr@gmail.com)

Докучаева Н.В., студент магистратуры факультета юридической психологии ГОУ ВО МГППУ (natalya.dokuchaeva@gmail.com)

В свете предстоящей декриминализации преступлений небольшой тяжести в статье обсуждается проблема формирования «нормы возмездия» как одного из компонентов правосознания. Проведено исследование эксплицитных представлений учащихся 5-го и 10-го классов и взрослых о сроках наказания за преступления различной степени тяжести. У школьников исследованы также имплицитные представления. У всех групп обследованных представления о необходимых сроках наказания за преступления не совпадают с нормами уголовного законодательства, их представления о «норме возмездия» предполагают более суровое наказание практически за все виды преступлений, особенно небольшой тяжести. В то же время взрослые и школьники адекватно понимают иерархию тяжести преступлений. Разрыв между эксплицитными и имплицитными представлениями о «норме возмездия» за преступления отмечается только у младших подростков. У взрослых, по сравнению с несовершеннолетними, существует более выраженная поляризация и дифференциация представлений о необходимых мерах наказания за преступления. Делается вывод, что в процессе образования уделяется мало внимания формированию адекватного оценочного отношения к праву у учащихся.

Ключевые слова: правосознание, норма возмездия, декриминализация, справедливость наказания.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С., Бодрова О.К., Докучаева Н.В. Декриминализация статей Уголовного кодекса и формирование «нормы возмездия» у школьников. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 3. С. 122-141. doi: 10.17759/psylaw.2016060310

For citation:

Safuanov F.S., Bodrova O.k., Dokuchaeva N.V. Decriminalization of articles of the Criminal code and the formation of "norms of revenge" in schoolchildren. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 3. pp.122-141. doi: 10.17759/psylaw.2016060310

Постановка проблемы

На момент написания данной статьи в Государственной Думе РФ принят в первом чтении проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [7; 8]. Законопроект, направленный на дальнейшую гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства, предусматривает, в частности, декриминализацию следующих деяний, относящихся в настоящее время к преступлениям небольшой тяжести:

1) побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 УК РФ (часть первая статьи 116 УК РФ), если такое деяние совершено однократно (пункт 3 статьи 1 законопроекта);

2) угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (часть первая статьи 119 УК РФ), если такое деяние совершено однократно (пункт 5 статьи 1 законопроекта);

3) злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (части первая и вторая статьи 157 УК РФ) (пункт 7 статьи 1 законопроекта);

4) использование заведомо подложного документа (часть третья статьи 327 УК РФ), за исключением заведомо подложного официального документа (пункт 10 статьи 1 законопроекта).

За данные декриминализованные деяния предлагается установить не уголовную, а административную ответственность. При этом если лицо, уже подвергнутое административному наказанию за побои или угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершит аналогичные действия еще раз, то оно будет нести уголовную ответственность.

Необходимость изменений уголовного законодательства обосновывается тем обстоятельством, что с 2002 г. наметилась устойчивая тенденция роста удельного веса лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести (с 15–19% от общего числа осужденных в 1997–2001 г. до 46% – в 2013–2014 г.). При этом, удельный вес лиц,

осужденных за указанные в проекте закона преступления, составляет около 40% от числа осужденных за все преступления небольшой тяжести по основной квалификации.

Кроме того, декриминализация указанных статей Уголовного кодекса обусловлена целым рядом факторов.

1. Авторы законопроекта считают, что нередко деяния, квалифицируемые сегодня как преступления небольшой тяжести, либо лица, их совершившие, не обладают достаточной степенью общественной опасности.

2. Негативные последствия от судимости в таких случаях (причем не только для самого осужденного, но и для его близких родственников) не вполне адекватны характеру этих деяний или личности осужденного.

3. Можно ожидать положительные изменения в социальной структуре общества за счет значительного сокращения числа лиц, имеющих судимость.

4. Указываются и организационные причины, препятствующие эффективной борьбе с преступностью: органы предварительного расследования смогут сосредоточить свои кадровые, технические и иные ресурсы на расследовании опасных преступлений.

В целом, предлагаемые изменения законодательства соотносятся, по мнению его разработчиков, с принципами справедливости, соразмерности и неотвратимости наказания.

Вместе с тем процесс декриминализации статей Уголовного кодекса, квалифицирующих преступления небольшой тяжести, тесно связан с проблемами такого раздела юридической психологии, как правовая психология. Право является регулятором общественных отношений, в том числе и правомерного поведения. При регуляции правопослушного или, напротив, девиантного поведения усвоенные нормы права и отношение к ним выступают в форме обыденного правосознания человека, одним из основных компонентов которого является представление о справедливости, «норме взаимности».

«Норма взаимности» является достаточно универсальным принципом социального взаимодействия [18]. Норма взаимности как интериоризированный стандарт поведения является субъективным регулятором и альтруистического («возлюби ближнего как самого себя»), и противоправного поведения («око за око»). По шкале Л. Колберга [19] следование данному принципу отражает довольно позднюю стадию развития морального суждения.

Следует, конечно, иметь в виду, что при регуляции девиантного и делинквентного поведения применение нормы взаимности, которая выступает в форме «нормы возмездия», не следует понимать буквально, в духе принципа *lex talionis*. Даже обычай «кровной мести» не требует в ответ на убийство обязательного убийства виновного – его может заменить эквивалентный «выкуп» (например, «вира» у древних славян) или переход убийцы в клан пострадавшей стороны. Для развитого государственного права характерны более высокие и гуманные формы уравнивающей справедливости с широким спектром форм (от штрафа до смертной казни), видов наказания (реальное или условное осуждение), смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств. Здесь важно подчеркнуть, что, в отличие от внешних, провозглашаемых от имени государства, принципов справедливости и соразмерности, «норма возмездия» является регулятором правомерного или противоправного поведения

как бы «изнутри», с позиций самого человека. Практически каждый человек, даже на неосознаваемом уровне, имеет представления о «санкциях», которым может быть подвергнут за свой поступок: от морального осуждения близких или окружающих до уголовного наказания за совершение преступления.

«Норма взаимности» и «норма возмездия» (в терминах разных авторов – «ретрибутивная (воздающая) справедливость», «справедливость наказания», «дистрибутивная (распределительная) справедливость»), являясь важными компонентами морального сознания, наибольшую роль играют в структуре регуляции поведения правосознанием. При этом отмечается, что справедливость наказания для людей является более важной, чем справедливость вознаграждения за благое дело [1]. «Норма возмездия» выполняет важную предупредительную функцию: известно, что слишком суровое наказание за незначительный проступок, равно как и слишком легкое наказание на серьезное правонарушение, не способствуют воздержанию от таких деяний, это достигается только при соразмерности преступления и наказания.

Правосознание (общественное, групповое, индивидуальное), по мнению А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой [13], отражает правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях. С точки зрения А.Б. Венгерова [2], правосознание представляет собой объективно существующий набор взаимосвязанных идей, эмоций, выражающих отношение общества, групп индивидов к праву. Оно является каналом воздействия права через мотивацию, эмоции, сознание на поведение людей, на формирование общественных отношений. В то же время правосознание определяет оценку права, существующую в обществе, выражающую критику действующего права и формирующую определенные надежды и пожелания к правовой сфере, ее изменениям, определяющую, что считать правомерным, а что противоправным. И.А. Егоров [5] выделяет следующие компоненты правосознания: юридические знания, оценочное отношение к праву в целом, отношению к правовой действительности и практике реализации правовых норм, ценностные ориентации как регуляторы поведения, свобода правомерного поведения. Так или иначе, представления большинства авторов о структуре правосознания сводятся к выделению когнитивного (знание о праве), эмоционально-смыслового (оценочное отношение к нормам права и правоприменению) и поведенческого (регуляция правомерного и противоправного поведения) аспектов.

В контексте проблемы регуляции поведения правосознанием наибольший интерес вызывает вопрос: насколько предлагаемые изменения уголовного законодательства в сторону декриминализации отдельных преступлений небольшой тяжести будут соответствовать субъективным оценочным представлениям людей о нормах права, их отношению к практике реализации правовых норм, и, соответственно, будет ли эмоционально-смысловой аспект правосознания являться подлинным регулятором правомерного поведения? Отвечают ли существующие в Уголовном кодексе виды наказания за совершенные преступления, их нижние и верхние пределы, предлагаемые изменения по декриминализации отдельных правонарушений представлениям о «норме возмездия» как неотъемлемом компоненте правосознания?

М.Б. Смоленский приводит данные о том, что «...проводимые исследования показывают, что примерно три четверти взрослого населения России не ориентируются в

нормах законодательства, знание которых диктуется повседневными жизненными потребностями» [15]. Существует множество исследований, в которых доказывалось, что незнание законов коррелирует с вероятностью девиантного и делинквентного поведения. В то же время показано, что высокий уровень юридических знаний не гарантирует следования правовым нормам [6]. Исходя из этих данных, представляется, что отношение к праву играет значительно большую роль в регуляции поведения, нежели простое знание закона.

Как формируется отношение к правовой действительности, в частности, представление о справедливой «норме возмездия» за совершенные преступления? Согласно мнению ряда исследователей, ключевым в становлении правосознания является подростковый возраст. А.Р. Ратинов указывает, что, несмотря на недостаточную развитость правового сознания, у подростков образуется более или менее стойкая внутренняя ценностно-нормативная модель («правовая концепция») личности [12]. Основой формирования правосознания является становление морального сознания. Моральная социализация, согласно моделям Ж. Пиаже, Л. Колберга, Дж. Таппа и Ф. Левина, начинается именно в детском возрасте. О.А. Гулевич отмечает, что эмпирические исследования, основанием которых были данные модели, подтвердили, что уровень правового развития человека изменяется с возрастом: уменьшается не критичное принятие буквы закона и увеличивается степень осознанного его принятия как общепринятой нормы, регулирующей общественную жизнедеятельность [3]. Формирование правосознания предполагает наличие определенных качеств личности (рефлексия, волевой контроль, коммуникативная активность, ответственность). Именно эти психические процессы и свойства являются новообразованиями в подростковом и юношеском возрасте. У подростка появляется потребность понимания окружающего мира и своего места в нем, вырабатывается осмысленное отношение к существующим общественным нормам, ценностям [9]. З.Н. Каландаришвили различает первичную социализацию (возрастной этап до 14 лет) и вторичную (молодежный возраст), которая сопровождается формированием целостности личности с коррекцией внешнего правового поведения при усвоении той или иной социальной правовой роли в обществе [10]. Зрелое правосознание, согласно М.С. Строговичу [16], представляет собой совокупность правовых воззрений людей, в частности, «относительно справедливости или несправедливости тех или иных законов». Как указывалось выше, оценка справедливости или несправедливости норм уголовного законодательства, определяющих назначение наказания виновным в совершении преступления, преломляется в индивидуальном правосознании в виде представления о «норме возмездия», которое формируется в подростковом возрасте.

О.А. Гулевич выделяет две формы функционирования представления о справедливости нормы возмездия, в терминологии автора – «воздаяния по заслугам», – эксплицитное и имплицитное. Эксплицитное, хорошо осознаваемое понимание справедливости выявляется через прямой опрос, шкалирование и т. п. Имплицитное, неосознаваемое, плохо контролируемое понимание поддается измерению только через косвенные (психосемантические или проективные) методы исследования. В ситуациях, когда невозможно провести серьезный анализ информации, имплицитные представления имеют большее значение для оценки тех или иных явлений и играют большую роль в регуляции поведения, чем эксплицитные [4].

Программа исследования

Исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе, еще до внесения в Государственную Думу вышеупомянутого проекта Федерального закона, нас интересовало формирование представлений у школьников о необходимом наказании за преступления различной тяжести. С целью выявления эксплицитного и имплицитного представлений о нормах уголовного права у младших и старших школьников было обследовано 25 учащихся (13 мальчиков и 12 девочек) 5-го и 25 (13 мальчиков и 12 девочек) – 10-го гимназических классов средней образовательной школы.

При исследовании эксплицитных представлений учащиеся отвечали на 21 вопрос анкеты в соответствии с инструкцией: «Ниже представлен список противоправных действий. Подумайте и отметьте в соответствующей графе – шкале, какой срок лишения свободы, по вашему мнению, нужно назначить человеку, совершившему этот вид преступления».

При изучении имплицитных представлений анкета была сокращена до 10 видов преступлений. Применялся вариант методики «Цветовой тест отношений» А. Эткинды: учащиеся должны были подобрать к каждому виду преступлений один из восьми цветов теста Люшера, затем проранжировать цвета от самого приятного к самому неприятному.

На втором этапе изучались представления взрослых о нормах уголовного права, регулирующих наказание за совершенные преступления. Им давалась более усложненная инструкция: «Ниже представлен список противоправных действий. Подумайте, не заглядывая в Уголовный кодекс¹, и отметьте в графе, какой срок лишения свободы, по вашему мнению, нужно назначить человеку, совершившему этот вид преступления. Укажите срок лишения свободы в годах, месяцах, днях или часах. Допускаются "пожизненное" и "без лишения свободы"». Список преступлений был дополнен до 25, в него были включены те деяния (побои и т. д.), которые предлагается декриминализировать в обсуждаемом законопроекте. В исследовании приняли участие 52 респондента (24 мужчины и 28 женщин) в возрасте от 18 до 60 лет (среднее – 31 год), из них с высшим образованием – 35 чел., с незаконченным высшим – 6, со средним – 11.

Результаты

Оценка различий между данными об эксплицитных представлениях о сроках наказания за отдельные преступления учащихся 5-го и 10-го классов и средними значениями сроков наказания, определенными УК РФ, проводилась по критерию Манна-Уитни (табл. 1).

При сравнении ответов учащихся 5-го и 10-го классов $U_{\text{эмп}} = 209,5$. Это значение больше $U_{\text{кр}} = 154$ ($p \leq 0,05$) и 127 ($p \leq 0,01$): значимых различий не обнаруживается. Эксплицитные представления учащихся разных возрастных групп практически не отличаются.

¹ Исследование проводилось дистанционно с помощью интернет-сервиса «Google Формы».

Сравнение же ответов учащихся, как 5-го, так и 10-го классов, с нормами уголовного законодательства показывает иную картину.

При сопоставлении данных пятиклассников с нормами УК РФ $U_{\text{эмп}} = 81$, что меньше $U_{\text{кр}}$. Сравнение ответов десятиклассников с уголовно-правовыми нормами дает аналогичный результат ($U_{\text{эмп}} = 82,5$). Нулевая гипотеза о соответствии представлений учащихся о сроках наказания законодательно определенным нормам отвергается. Напротив, эти представления имеют существенные отличия: как видно из табл. 1, в основном переоцениваются сроки наказания за преступления меньшей тяжести (загрязнение окружающей среды, нарушения требований сохранения памятников и т. п.). Кроме того, у школьников совершенно не сформированы представления о «привилегированных составах преступления», т. е. о составах преступлений со смягчающими обстоятельствами (убийство, совершенное в состоянии аффекта, убийство по неосторожности и т. п.), они часто не отличают такие общественно опасные деяния от «простого» убийства и предполагают, что за них необходимо выносить довольно суровое наказание.

Таблица 1

Представления учащихся и взрослых о сроках наказания за преступления

Виды преступлений	5 класс	10 класс	Взрослые	УК РФ	УК РФ
	Среднее значение (в годах)				Диапазон в годах
1. Незаконная рубка лесных насаждений	2,72	2,12	2,33	1	0-2
2. Хулиганство	1,88	2,08	1,17	2,5	0-5
3. Загрязнение вод, атмосферы, морской среды	4,72	4	3,24	0,125	0-0,25
4. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	7,4	8,28	8,95	4	0-8
5. Убийство	13,16	13,52	15,97	10,5	6-15
6. Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)	7,76	6,16	2,18	1	0-2

7. Причинение вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны	6,2	5,16	1,57	0,5	0-1
8. Неоказание помощи больному	2,92	4,08	4,23	0,165	0-0,33
9. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны	8,8	5,4	3,1	1	0-2
10. Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности	3,36	3,44	2,77	0,25	0-0,5
11. Незаконное лишение свободы	8,72	7,84	6,15	1	0-2
12. Убийство, совершенное в состоянии аффекта	8,12	6,8	4,59	1,5	0-3
13. Торговля людьми	11,76	10,44	14,5	3	0-6
14. Убийство на почве национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести	11,36	11,84	14,72	14	8-20
15. Террористический акт	13,08	14,36	18,38	11,5	8-15
16. Оставление в опасности	4,64	6,2	2,91	0,5	0-1
17. Нарушение правил пожарной безопасности	3,28	3,52	1,66	1,5	0-3
18. Кража	5,56	5,24	3,2	1	0-2
19. Убийство матерью новорожденного ребенка	11,92	9,36	10,65	2,5	0-5
20. Жестокое обращение с животными	8,56	7,68	5	0,25	0-0,5
21. Убийство двух или более	14,56	14,52	18,36	14	8-20

лиц					
22. Побои			3,39	0,125	0-0,25
23. Угроза убийством...			3,07	1	0-2
24. Злостное уклонение...			2,05	0,5	0-1
25. Использование заведомо подложного...			1,71	0,25	0-0,5

Примечание. При ответе взрослых «пожизненное заключение» принималось значение 20 лет – максимальный срок наказания за отдельное преступление по УК РФ.

Однако при этом, как показывают расчеты по ранговой корреляции Спирмена, учащиеся как 5-го, так и 10-го классов, адекватно представляют иерархию тяжести преступлений: ранговая корреляция (r_s) между двумя групповыми иерархиями составляет для показателей пятиклассников и десятиклассников 0,933, пятиклассников и норм УК РФ – 0,608, десятиклассников и норм УК РФ – 0,670. Все значения больше $r_{s\text{ кр}} = 0,56$ ($p < 0,01$).

При сравнении имплицитных и эксплицитных представлений школьников о наказании за преступления (табл. 2) выясняется, что если у старших школьников они практически совпадают ($r_{s\text{ эмп}} = 0,912$), то у учащихся 5-го класса они значительно расходятся (ранговая корреляция $r_{s\text{ эмп}} = 0,58$ при $r_{s\text{ кр}} = 0,79$, $p < 0,01$).

Таблица 2

Данные ЦТО у учащихся 5-го и 10-го классов

Виды преступлений	5-й класс		10-й класс	
	Среднее по анкете	Средний ранг по ЦТО	Среднее по анкете	Средний ранг по ЦТО
1. Незаконная рубка лесных насаждений	2,12	1,6	2,72	2,1
2. Убийство, совершенное в состоянии аффекта	6,8	3,12	8,12	2,16
3. Торговля людьми	10,44	3,32	11,76	1,9

4. Убийство на почве национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести	11,84	3,8	11,36	2,6
5. Террористический акт	14,36	4,4	13,08	2,64
6. Убийство двух или более лиц	14,52	4,25	14,56	2,62
7. Жесткое обращение с животными	7,68	2,92	8,56	2,3
8. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны	5,4	2,96	8,8	1,8
9. Неоказание помощи больному	4,08	3,36	2,92	2,14
10. Убийство	13,52	4,32	13,16	2,52

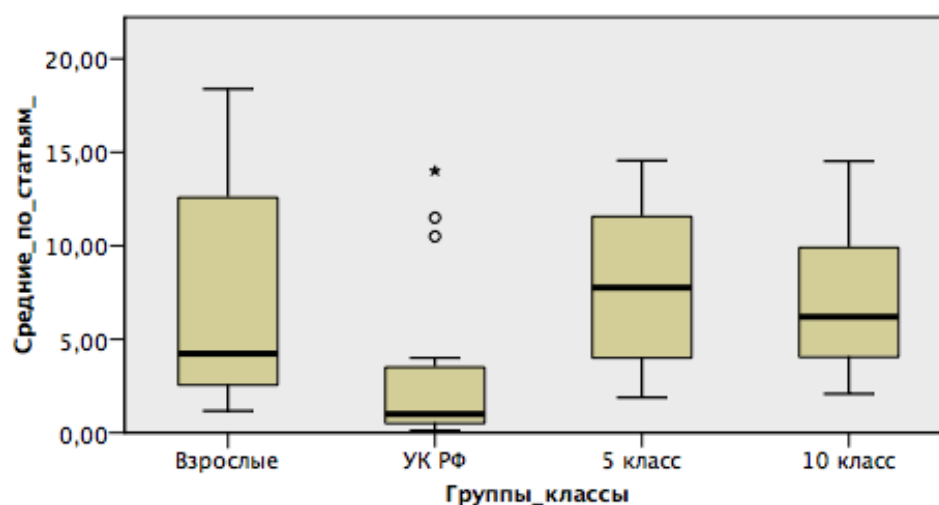
Полученные данные позволяют предположить, что по мере взросления у подростков происходит своеобразная интериоризация эксплицитных представлений о мерах наказания за преступления: они превращаются в глубинные неосознаваемые убеждения, хотя первоначально и отличались от имплицитных представлений о «норме возмездия».

Сравнение представлений взрослых о наказании за преступления и норм уголовного законодательства показывает, что отмеченные у несовершеннолетних закономерности в целом сохраняются. У совершеннолетних обнаруживаются адекватные воззрения на иерархию тяжести правонарушений: между их ответами и нормами УК РФ $r_{S \text{ эмп}} = 0,514$ ($p < 0,01$), данными учащихся 5-го класса $r_{S \text{ эмп}} = 0,823$ ($p < 0,01$), 10-го класса $r_{S \text{ эмп}} = 0,903$ ($p < 0,01$).

Так же, как и у школьников, у взрослых представления о должных сроках наказания за преступления не совпадают с нормами законодательства: $U_{\text{эмп}} = 118 < U_{\text{кр}} = 192$ ($p \leq 0,01$). При этом они вполне соответствуют представлениям школьников: при сравнении с данными пятиклассников $U_{\text{эмп}} = 267$, десятиклассников – $U_{\text{эмп}} = 264$.

Этот вывод подтверждается и результатами оценки различий между данными групп школьников, взрослых и нормами УК РФ по Н-критерию Краскала–Уоллиса (рис. 1).

Критерий Краскала–Уоллиса для независимых выборок



Всего N	84
Статистика критерия	18,753
Степени свободы	3
Асимптотическая знч. (2-сторонний критерий)	,000

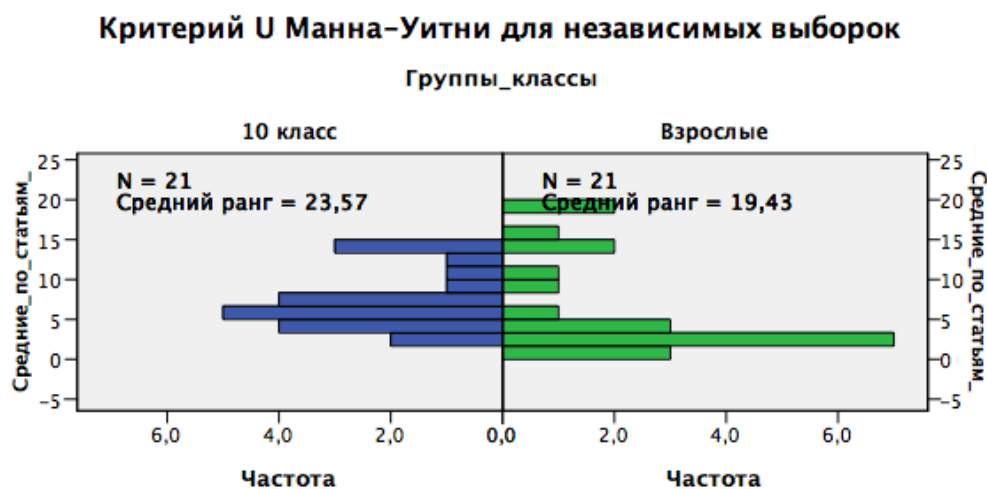
1. Статистика критерия скорректирована на наличие связей.

Рис.1. Различия между исследованными группами по Н-критерию Краскала-Уоллиса

Между представлениями о необходимых сроках наказания за преступления у взрослых, пятиклассников и десятиклассников существуют лишь случайные различия, в то же время между данными в этих выборках и реальными сроками лишения свободы по уголовному законодательству различия неслучайны и статистически значимы.

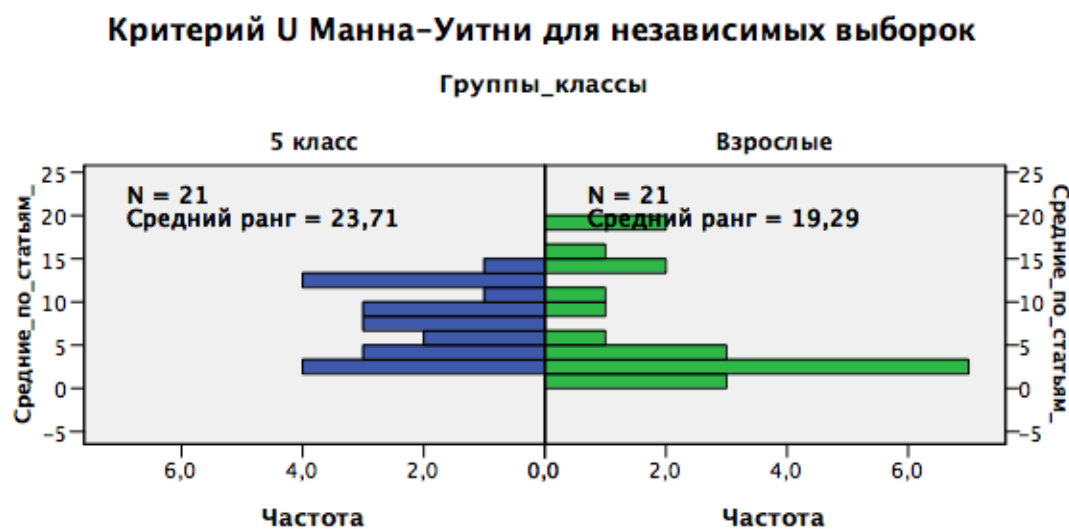
В то же время анализ результатов оценок взрослых и школьников по критериям Манна–Уитни и Краскала–Уоллиса показывает и различия в структуре их эксплицитных представлений о наказании. У взрослых, по сравнению с несовершеннолетними, существует более выраженная поляризация оценок (рис. 2, 3). Они, в отличие от школьников, считают, что за менее тяжкие преступления необходимо давать меньшие сроки лишения свободы и, напротив, за особо тяжкие – бóльшие, хорошо различают основные и привилегированные составы преступлений. Их представления о сроках наказания за преступления в целом более приближены к реальным. Однако при этом, как в отношении менее тяжких преступлений, так и в отношении преступлений со смягчающими обстоятельствами, взрослые считают необходимым лишать преступников свободы на более длительные сроки, чем это

предусмотрено УК РФ (рис. 1). Это касается и тех статей УК РФ, которые, согласно проекту Федерального закона, предлагается декриминализировать (табл. 1).



Всего N	42
U Манна-Уитни	264,000
W Вилкоксона	495,000
Статистика критерия	264,000
Стандартная ошибка	39,752
Стандартизованная статистика критерия	1,094
Асимптотическая знч. (2-сторонний критерий)	,274

Рис.2. Различия между данными взрослых и десятиклассников по критерию Манна-Уитни



Всего N	42
U Манна-Уитни	267,000
W Вилкоксона	498,000
Статистика критерия	267,000
Стандартная ошибка	39,752
Стандартизованная статистика критерия	1,170
Асимптотическая знч. (2-сторонний критерий)	,242

Рис.3. Различия между данными взрослых и пятиклассников по критерию Манна-Уитни

Обсуждение

Результаты исследования показывают, что представления о справедливости наказания в обыденном правосознании не совсем совпадают с принципом справедливости, сформулированным в ст. 6 УК РФ: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». В целом, уголовно-правовой принцип справедливости является вариантом универсальной «нормы возмездия»: суд должен определить соответствие между преступлением и наказанием с учетом

процессуальных норм, смягчающих и отягчающих обстоятельств, влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

И у взрослых, и у подростков представления о справедливости наказания совпадают с уголовно-правовыми нормами только в понимании иерархии тяжести преступлений. Следует отметить, что такая иерархия достаточно прочно сформирована уже к младшему подростковому возрасту: учащиеся 5-го класса способны дифференцировать тяжкие и менее тяжкие правонарушения.

В то же время в субъективном правосознании, по данным нашего исследования, независимо от возрастной группы, выявляется четкая закономерность: представления о «норме возмездия» предполагают более суровое наказание практически по всем видам преступлений. Особенно это касается преступлений небольшой тяжести, а у школьников еще и преступлений со смягчающими обстоятельствами.

По преступлениям, которые законодательно предлагается вывести из сферы действия уголовного закона и установить за них только административную ответственность (побои, угроза убийством, уклонение от уплаты алиментов, использование заведомо подложного документа), в правосознании взрослых также существуют представления о том, что они заслуживают более длительных сроков лишения свободы, даже по сравнению с существующими. Наиболее наказуемы и заслуживают лишения свободы на срок свыше трех лет, по мнению респондентов, побои и угроза убийством.

По данным исследования, выявляются и некоторые закономерности формирования представлений о «норме возмездия». У 5-классников выявляются достаточно сформированные эксплицитные представления о степени тяжести уголовно наказуемых деяний. В то же время практически по всем видам преступлений они переоценивают необходимые, по их мнению, сроки лишения свободы. Во-первых, сильно переоценивается необходимость сурового наказания за «экологические» (рубка лесных насаждений, загрязнение окружающей среды, повреждение памятников культуры) преступления. Во-вторых, не различаются «пассивные» (неоказание помощи, оставление в опасности) и «активные» формы нарушения закона. В-третьих, деяния, связанные с убийством, в их правосознании выступают как «синкретичные» образования: им трудно учитывать при оценке правонарушений субъективные (аффект, неосторожность) и ситуативные (необходимая оборона) факторы. Насильственные манипуляции с живыми существами (торговля людьми, незаконное лишение свободы, жестокое обращение с животными) практически приравниваются по степени опасности к убийству. В-четвертых, видно влияние на их оценки эмоционального компонента восприятия проступков: так, хулиганство воспринимается как нечто обыденное, а кража – как безусловно порицаемое.

Одновременно с этим у младших подростков отмечается разрыв между эксплицитными и имплицитными представлениями о «норме возмездия» за совершенные преступления. На неосознаваемом уровне пятиклассники более четко определяют как менее значительные преступления, обозначенные в уголовном законодательстве как «менее тяжкие» – убийство с превышением пределов необходимой обороны, рубка лесных насаждений, торговля людьми, неоказание помощи больному. Иными словами, в отличие от довольно узкого диапазона эксплицитных представлений о мерах наказания за совершенные преступления, сдвинутого к максимальным срокам лишения свободы, размах имплицитных оценок более широк и сами оценки более дифференцированы. Эти данные

могут быть объяснены результатами исследования представлений о справедливости наказания у подростков, проведенного Б.С. Алишевым, О.А. Аникеенко, А.Р. Галлямовой [1]: они выявили, что у детей 10–11 лет в отношении легких правонарушений преобладают принципы «не надо наказывать никого», «достаточно высказать словесное порицание», а также идея непосредственного, прямого возмездия. В отношении же тяжких правонарушений они выбирают принципы «наказание должно определяться по закону», «виновник должен быть строго наказан».

У старших подростков, по сравнению с младшими, мы можем наблюдать статистически незначимую тенденцию к «смягчению» эксплицитных представлений о сроках наказания за менее тяжкие преступления, но в целом эти представления остаются на уровне пятиклассников. Более того, эти эксплицитные представления о «норме возмездия» становятся имплицитными, приобретают характер глубинных убеждений. О.А. Гулевич отмечает, что понимание справедливости как «воздаяния по заслугам» доминирует на эксплицитном уровне [4].

Таким образом, существенной динамики эксплицитных представлений о справедливости наказания в процессе перехода от младшего к старшему подростковому возрасту (по данным исследования наших респондентов) не происходит. Эти изменения мы видим только при взрослении человека. У взрослых, в отличие от несовершеннолетних, представления о «норме возмездия» за различные преступления более дифференцированы; их воззрения на меры наказания в зависимости от тяжести содеянного приближаются к реальным срокам лишения свободы, определенным УК РФ; диапазон их оценок более широк; в их представлениях учитываются субъективные состояния и мотивация преступников, а также ситуативные факторы, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Тем не менее, представления взрослых о справедливом наказании за противозаконные деяния гораздо ближе к представлениям подростков о необходимости более суровых санкций к совершившим преступления небольшой тяжести, нежели к действующему уголовному законодательству.

Заключение

Выявленный в исследовании разрыв между субъективными представлениями школьников и взрослых о справедливом наказании за преступления и существующими нормами уголовного законодательства особо остро ставит проблему формирования правосознания у несовершеннолетних. Наше исследование подтверждает мнение В.Н. Синюкова: «Мы в целом грамотно пишем законы и законодательствуем вполне по-европейски, но думаем и поступаем как-то иначе. Правовыми категориями у нас не размышляют» [14]. Ясно, что уголовное право не может идти за обыденным пониманием справедливости воздаяния по заслугам, оно учитывает и идеально-нравственные, и политические, и экономические факторы. Кроме того, в отличие от эмпирического правосознания граждан, наказание, как указано в ч. 2 ст. 43 УК РФ, применяется не только в целях восстановления социальной справедливости («норма возмездия»), но и в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Одно из положений теории уголовного права гласит, что наказание является не основным, а вспомогательным средством борьбы с преступностью, является последним доводом государства при исчерпании или заведомой неэффективности иных средств воздействия [17].

Следует признать, что задача реализации комплекса мероприятий образовательных организаций, направленных на формирование позитивного правосознания, поставленная в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [11] в полной мере еще не реализуется. В частности, как было показано И.А. Егоровым и Ф.С. Сафуановым [6], на сегодняшний день образовательный процесс в большей мере направлен на усвоение юридических знаний и гораздо меньше – на формирование адекватного оценочного отношения к праву и ценностных ориентаций, регулирующих правомерное поведение. Сказанное и определяет основные приоритеты средней школы, направленные на повышение эффективности формирования правосознания у несовершеннолетних.

Литература

1. Алишев Б.С., Анিকেенок О.А., Галлямова А.Р. Представления о справедливости наказания в подростковом и юношеском возрасте // Ученые записки Казанского университета. 2015. Т. 157. Кн. 4. С. 157–168.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд. М., 2000. С. 150–151.
3. Гулевич О.А. Правосознание и правовая социализация (аналитический обзор). М., 2003. С. 36–57.
4. Гулевич О.А. Социальная психология справедливости. М., 2011. 284 с.
5. Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Показатели формирования правосознания и правовой культуры в образовательных стандартах // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». М., 2012.
6. Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Образовательный процесс как фактор формирования правосознания [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 3. С. 61–69. doi:10.17759/psyedu.2014060307
7. Законопроект № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=953369-6&02>.
8. Законопроект № 953398-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"». <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=953398-6&02>
9. Зубок Ю.А. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий // СОЦИС. 2006. № 6. С. 37–46.

10. Каландаришвили З.Н. Правовая социализация как условие преодоления деформации правового сознания молодёжи // Ленинград. юрид. журнал. 2008. № 1. С. 106–120.
11. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. 2011. 14 июля.
12. Ратинов А.Р. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования. Красноярск, 1988. 256 с.
13. Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Правовая культура и поведение // Юридическая психология: хрестоматия / Сост. Т.Н. Курбатова. СПб., 2001. С. 56.
14. Синюков В.Н. Россия в XXI веке: пути правового развития // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 11.
15. Смоленский М.Б. Правовая культура и правовое воспитание как факторы формирования правосознания граждан // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2005. Т. 4. № 36. С. 5–6.
16. Строгович М.С. Избранные труды. Т.1. Институт государства и права АН СССР. М.: Наука, 1990. С. 115.
17. Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2005. С. 152.
18. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.
19. Kohlberg L.A. Longitudinal Study of Moral Judgment: A Monograph for the Society of Research in Child Development. The University of Chicago Press, 1983.

Decriminalization of articles of the Criminal code and the formation of "norms of revenge" in schoolchildren

Safuanov F.S., *Dr.Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)*

Bodrova O. K., *Junior researcher at the psychology laboratory of the Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (olgabodr@gmail.com)*

Dokuchaeva N. V., *master student, faculty of legal psychology of Moscow State University of Psychology and Education (natalya.dokuchaeva@gmail.com)*

In light of the upcoming decriminalization of minor offenses, the article considers the problem of formation of "norms of revenge" as one of the components of legal consciousness. The study of explicit representations of pupils of 5 th and 10 th grade and adults about the penalties for crimes of varying severity. Pupils have also investigated implicit beliefs. Among all groups surveyed understanding of the necessary terms of punishment for crimes does not coincide with the norms of criminal legislation, their ideas about the "rule of retaliation" involve a more severe punishment for almost all crimes, especially small weight. At the same time, adults and students adequately understand the hierarchy of seriousness of the offence. The gap between the explicit and the implicit ideas about the "rule of retribution" for the crimes was noted only in the youngest adolescents. In adults, compared to juveniles, there is a more pronounced polarization and differentiation of views on the measures necessary punishment for the crime. The conclusion is that in the process of education pay little attention to the formation of an adequate evaluation of the relationship to law students.

Keywords: legal consciousness, the rule of retaliation, decriminalization, justice, punishment.

References

1. Alishev B.S., Anikeenok O.A., Galljamova A.R. Predstavlenija o spravedlivosti nakazanija v podrostkovom i junosheskom vozraste // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 2015. T. 157, kn. 4. S. 157-168.
2. Vengerov A.B. Teorija gosudarstva i prava : Uchebnik dlja vuzov. 3-e izd. M.,2000. S. 150-151.
3. Gulevich O.A. Pravosoznanie i pravovaja socializacija (analiticheskij obzor). M., 2003. S. 36-57.

4. Gulevich O.A. Social'naja psihologija spravedlivosti. M., 2011. 284 s.
5. Egorov I.A. , Safuanov F.S. Pokazateli formirovanija pravosoznaniya i pravovoj kul'tury v obrazovatel'nyh standartah // Kochenovskie chtenija «Psihologija i pravo v sovremennoj Rossii». M., 2012.
6. Egorov I.A., Safuanov F.S. Obrazovatel'nyj process kak faktor formirovanija pravosoznaniya [Jelektronnyj resurs] // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2014. Tom 6. № 3. S. 61–69. doi:10.17759/psyedu.2014060307.
7. Zakonoproekt № 953369-6 O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovanija osnovanij i porjadka osvobozhdenija ot ugolovnoj otvetstvennosti.
8. <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=953369-6&02>.
9. Zakonoproekt № 953398-6 O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svjazi s prinjatiem Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovanija osnovanij i porjadka osvobozhdenija ot ugolovnoj otvetstvennosti".
<http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=953398-6&02>
10. Zubok Ju. A. Pravovaja kul'tura molodjzhi v rakurse transformacionnyh strategij // SOCIS. 2006. № 6. S. 37–46.
11. Kalendarishvili Z. N. Pravovaja socializacija kak uslovie preodolenija deformacii pravovogo soznaniya molodjzhi // Leningrad. jurid. zhurnal. 2008. № 1. S. 106–120.
12. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitija pravovoj gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan (utv. Prezidentom RF 28.04.2011 № Pr-1168) // Rossijskaja gazeta. 2011, 14 ijulja.
13. Ratinov A.R. Pravovaja psihologija i prestupnoe povedenie. Teorija i metodologija issledovanija. Krasnojarsk, 1988. 256 s. 7, s. 47.
14. Ratinov A.R., Efremova G.H. Pravovaja kul'tura i povedenie // Juridicheskaja psihologija: hrestomatija / sost. T.N. Kurbatova. SPb., 2001. S. 56.
15. Sinjukov V.N. Rossija v XXI veke: puti pravovogo razvitija // Zhurnal rossijskogo prava. 2000. № 11. S.11.
16. Smolenskij M.B. Pravovaja kul'tura i pravovoe vospitanie kak faktory formirovanija pravosoznaniya grazhdan // Juridicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2005. T. 4. № 36. S. 5-6.
17. Strogovich M.S. Izbrannye trudy: t.1. Institut gosudarstva i prava AN SSSR. – M.: Nauka, 1990. S. 115.

18. Uchebnyj kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Otv. red. Zhalinskij A. Je. M., 2005. S.152.
19. Hekhauzen.H. Motivacija i dejatel'nost'. SPb.: Piter; M.: Smysl, 2003 - 860 s.
20. Kohlberg L. A Longitudinal Study of Moral Judgment: A Monograph for the Society of Research in Child Development. - The University of Chicago Press, 1983.